

Первый успех

Актеры и роли

НАТАШЕ Макаровой столько же лет, сколько ее героине. Но их встречу обусловило не только совпадение возраста.

На выпускном спектакле, со дня которого не прошло и года, Макарова никого не удивила виртуозной техникой танца, но дарование юной актрисы заставило насторжиться. Робость, детская неуверенность танца исчезли из поля зрения, побежденные силой настоящего одухотворения.

И вот, после четырех месяцев работы на сцене, Наташа Макарова танцует «Жизель». На ученическом спектакле девушка выступала во фрагментах из этого балета. Теперь она, актриса Театра имени С. М. Кирова, точно заново, с первой страницы, перечитывает взволновавшую ее книгу.

Балет «Жизель» требует от исполнительницы многого: легкости, грации, воздушности полетов, искренности чувств, душевной и танцевальной чистоты. Малейшая фальшь, наигрыш, незначительная уступка дешевому эффекту моментально отзовутся в зрительном зале. Внутренняя гармония этой старинной хореографической легенды не терпит никаких нарушений.

Юная актриса не оглянулась ни на один из самых совершенных образцов исполнения Жизели. Она показала свою героиню такой, как поняла ее, почувствовала, полюбила. Тема обманутого доверия стала центральной в ее трактовке роли.

Все, что делает на сцене Макарова, необычайно просто и естественно. Непосредственность ее Жизели поистине очаровательна. Ее руки вольно и свободно «разговаривают», не зная ложного смущения, придуманности жеста. Открытыми ладонями, как открытой душой, они доверчиво тянутся к Альберту. Они без тени смущения разглаживают платье молодой герцогини, не столько восхищаясь богатством одежды, сколько удивляясь, что бывает же на свете такая красота. Движения рук балерины приветливы, добры, нежны, трепетны. А

ведь в хореографии руки являются одним из средств раскрытия чувств персонажа. И невольно зрителя охватывает тревога за это доверчиво живущее существо, которое подстерегает отраву человеческого лицемерия.

Новые задачи возникают перед актрисой в сцене безумия. И опять Макарова не повторяет виденного. Катастрофа обрушилась на ее Жизель. Погасло в сознании, во всем существе героини безграничное доверие к миру, любви, людям. Как цветы закрывают ночью свои лепестки, так «закрылись» кисти доверчивых рук балерины, беспомощно поникли,

не находя опоры. Склонилась голова, оборвался согласный ритм движений. Скорее недоумение, чем отчаяние, скорее глухая боль, чем нестерпимые муки, преследуют помутившееся сознание Жизели — Макаровой. Детское сердце самое ранимое. И когда горе обрушивается на юную героиню, с губ которой еще не сбежала привычная улыбка, несчастье кажется особенно неправым.

Свои ощущения приносит Макарова и в мир фантастических вилис, оживающих в призрачном воздухе таинственного кладбища. В ней нет всепрощающей и в то же время торжествующей любви, перед которой отступает даже повелительница вилис Мирта. Макарова — Жизель возникает перед Альбертом «как мимолетное виденье», как блуждающий огонек, которому нельзя являться человеческому взору больше, чем на одно мгновение. Ее поникшие, слабо замирающие в воздухе, не ощущающие ничего живого грустные руки говорят о новом мире чувств, от-

крывшемуся Жизели, познавшей невозвратимость земной любви.

Как бы вздрагивая от прикосновений Альберта, едва касаясь носком земли, балерина устремляется вперед и вперед в задумчивом, взволнованном порыве. Бесшумными прыжками она пересекает сцену, исчезая из глаз, чтобы снова появиться перед ищущим взором любимого. Ее танец — это мольба, обращенная к холодным вилисам. Она вступает за Альберта не с гордым сознанием бессмертности чувства, а в горестном порыве разбитой любви.

Не хочется говорить наставительных слов молодой актрисе, создавшей такой поэтичный, полный романтики, человечности и глубины танцевальный образ. Думается, что она сама знает и о мелких технических погрешностях, которые ей прощаются на первых порах, и о том огромном труде, который выводит талант на настоящую творческую дорогу. Этот труд — ее будущее. Без него первые победы даже выдающегося дарования могут погибнуть, как без живой влаги.

Г. КРЕМШЕВСКАЯ

На снимке: Н. Макарова и Н. Долгушин в балете «Жизель»
Фото Ю. Умрихина